

Загадка Паскаля | L'énigme Pascal

Auteur: Жорж Нива (пер. Н. Сикорской), [Лозанна](#) , 17.06.2015.

Пьер Паскаль, большевик и католик

La Maison d'édition lausannoise Noir sur Blanc a publié le Journal de Russie 1928-1929 du professeur français Pierre Pascal, ainsi que sa biographie.

|

Лозаннское издательство Noir sur Blanc опубликовало том «Российского дневника, 1928-1929 гг.» французского профессора Пьера Паскаля, более пятнадцати лет прожившего в России, а также посвященное ему биографическое исследование.

L'énigme Pascal

Наивный человек? Христианин, приверженец общности имущества наподобие первых

апостолов? Безумец, влюбленный в братскую Россию, персонифицированную простым солдатом, встреченным во время поездки в Сибирь в 1918 году? Позже молодой человек по имени Александр Солженицын, рожденный в том же году, будет держать в кармане томик Есенина, сопровождавший его в Гулаге и по всей жизни... Россия Есенина, Россия «с коровьими глазами», Россия – «новый Назарет» без сомнения объясняет путь этого сына парижского учителя, родившегося в Иссуре в регионе Овернь и не переносившего лицемерия буржуазного общества, в котором вырос.

В июне 1929 года Пьер Паскаль отметил свой 39-й день рождения, с удивлением отметив, что уже 13 лет проведены в России. Прибыв в страну в составе Французской военной миссии, отправленной к царю президентом Клемансо, он отказался покидать ее после заключения Брестско-Литовского соглашения. Вступил в Коммунистическую партию, во Французскую группу в Москве, работал в Коминтерне. Зачем, уже потеряв иллюзии, нашел пристанище в Институте Маркса-Энгельса-Ленина. Он переводит Ленина, но в публикации его предисловий ему отказывают. Он штудирует архивы Бабефа, французского анархиста, и одновременно восхищается Аввакумом, знаменитым русским религиозным мятежником XVII века, проповедником «старой веры».

Аскетичный, скромный и упрямый в своей скромности, в 1928 году он – обломок великой русской утопии. Душа его разрывается между беспокойством и счастьем жизни в России. Именно в этот момент мы «входим» в его недавно опубликованный «Дневник 1928-29 годов», дополнивший четыре тома, изданных в Лозанне между 1975 и 1982 годами. То были годы внутренней борьбы в руководстве партии, ссылки Троцкого, поворота Зиновьева и Каменева в сторону Сталина. Паскаль встречается с Зиновьевым во время посещения последним Института, смотрит ему прямо в глаза, дабы убедиться, что тот его узнал, а затем опускает голову в знак неодобрения... Он отмечает исчезновение масла, огромные очереди, самоубийства «кулаков», сведенных с ума реквизициями. «Если так будет продолжаться, может произойти революция», - думает он. Его вернувшийся во Францию товарищ Анар Лазаревич обличает большевистскую диктатуру, но оказывается освистанным коммунистами, где бы ни появлялся. Его шурин Виктор Серж (Виктор Львович Кибальчич – НГ) арестован, бывший соратник Панаит Истрати (румынский писатель, автор «К другому огню: Исповедь проигравшего» - НГ) сеет смуту в партийной элите. Сержа вышлют, Истрати утратит большевистскую веру, у Паскаля в голове «винегрет».

Пьер Паскаль и его избранница Женни, дочь русского социалиста Русакова, сопротивляются с помощью личного счастья: прогулки по бульварам, поездки в провинцию, открытие для себя церковей старообрядников. Чуть ли не каждый день он видит, как сносят лукообразный купол, но в Угличе их еще много, есть несколько монахов и даже новый ангелоподобный послушник. Добравшись на пароходе до Заволжья, в гости к тестю приятеля-коммуниста, и открыв деревню Блохино, он задерживается здесь на три месяца, и счастлив жить как мужик. Значит, толстовец? Да нет, в Музее Толстого на Пречистенке он рассматривает фотографии барина, его бегство в Астапово с лакеем и врачом. Нет, это не для него... Ясная Поляна пахивала ложью.

Pierre Pascal

Journal de Russie 1928-1929

Édité et annoté par Jacques Cateau,
Sophie Cœuré et Julie Bouvard

ÉDITIONS
RUE
D'ULM

LES ÉDITIONS
NOIR SUR BLANC

Что он читает? Огромный полу-поэтический полу-фольклорный роман Мельникова-Печерского «В лесах», в котором переплелись крестьянская космология и суровые нравы старообрядников. Этот роман он заставит нас позже прочитать, в то время как Пушкин никогда не входил в его программу. Он открывает для себя «орнаментальную прозу» Пильняка, в которой древняя Русь соседствует с революционной жестокостью. На Пасху 1929 года церковь забита до отказа, и не «из бывших», нет! Бедными, оборванцами... В Угличе, где был убит царевич, он слушает откровенные разговоры: «С вашими колхозами вы будете пролезать в тараканью щель». Однако он не прочь там остаться – «с работкой, с домиком»... В местном музее Христы и святые безучастно смотрят на посетителя. «Разве это не безвозвратное крушение христианской эры? Нет, смена формы, очищение, может быть, обновление».

Благодаря вот такому странному, уникальному фильтру мы воспринимаем Россию в тот момент ее истории, когда сталинская диктатура еще не утвердилась, оппозиция начинает сдаваться, но еще остались ее сторонники. Паскаль вовсе не сторонник Троцкого, но он подробно помечает все сведения и слухи о его ссылке, его изгнание в Турцию. Он коллекционирует анекдоты, которые тогда еще циркулируют, а через несколько лет будут стоять отправки в лагерь. Ему не нравится затопивший Россию поток слов, «диспуты о культурной революции, пропагандистские митинги, пустые слова, упоминание в сущности имени Ленина». В июле 1929 года он резюмирует: коммунизм равен новому крепостничеству.

Но он еще не решил попробовать вернуться в буржуазную Францию. Всего раз он виделся с отцом, когда тот приехал к нему в Геную, где Паскаль находился в составе советской делегации во главе с Чичериним. В марте 1933 года ему удастся получить разрешения обеих сторон выехать со своей приемной родины и вернуться на историческую. Этому во многом способствовало возвращение к активной политической жизни Эдуара Эррио. (Третье правительство Эррио, занимавшего в 1932 году пост премьер-министра Франции, заключило с СССР договор о ненападении – НГ).

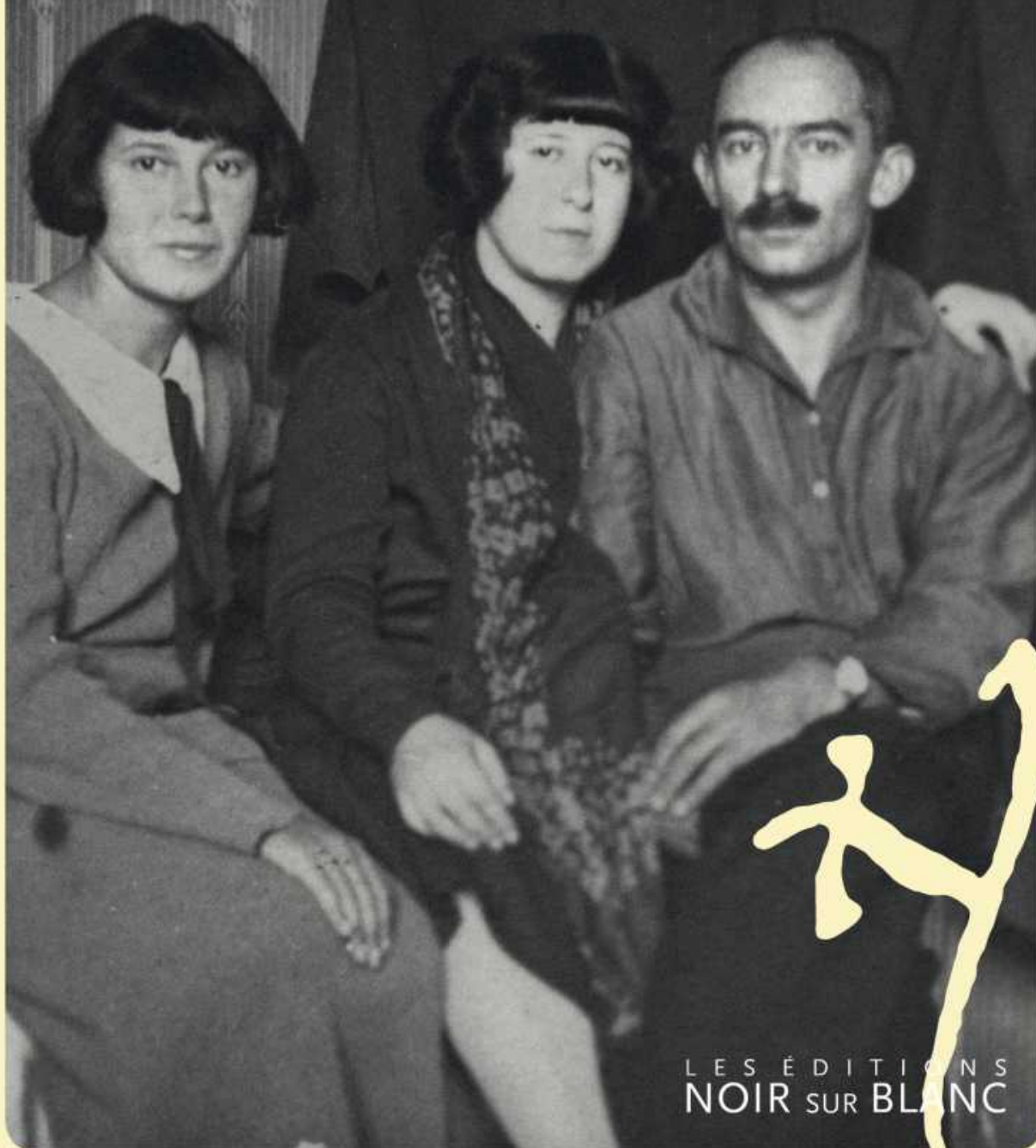
Пьер Паскаль, этот свидетель «строящегося рая», «странный тип» для одних и не заслуживающий большого уважения «папист-коммунист» для других, стал сегодня предметом посвященного ему научного исследования. Книга Софи Кёре привносит немало нового в изучение этого коммунистического маргинала. Архивы Паскаля (переданные в Библиотеку Нантерра, собранные Жаком Катто, редактором этого последнего тома «Дневника», Коминтерна в Москве), а также многочисленные воспоминания об этом «восточном сиянии», как говорил Жюль Ромен, предоставили историку солидный материал. И позволили ей лучше разобраться в этом человеке, который никогда не высывался, не принимал участие в принятии каких бы то ни было решений, но в определенный момент сделал важное предупреждение о новом режиме – важное особенно для Франции, куда он направлял свои тексты. Глава «На службе советов» предлагает нам в лице Паскаля первый образ «интеллектуала-коммуниста». Глава «Отступление» показывает Паскаля, который сотрудничает с ЧК, свидетельствует на процессе социалистов в 1922 году, причем выступает не в завидной роли. Вместе со своими французскими друзьями, среди которых Суварин, он ищет в Москве «политическое и личное решение». Второе он нашел, но не первое. Вернее, решением стало то, что Кёре называет «отступлением», затем «изобретением диссидентства»: наблюдать и критиковать, не занимая чью-то сторону, предупреждать французских путешественников, о том, что реально

происходит, пытаются победить цензуру своего Ленина во французском переводе. После чего принимается болезненное решение: вернуться.

Sophie Cœuré

Pierre Pascal

La Russie entre christianisme
et communisme

LES ÉDITIONS
NOIR SUR BLANC

В тот момент, когда Женни и Пьер возвращаются, Аниту, одну из сестер Женни, арестовывают и отправляют в Гулаг. С началом войны появляется еще одна причина стараться быть невидимым: Женни – еврейка, возможно, донос уже совершен; полученное письмо с антисемитскими угрозами Паскаль тщательно сохранил, оно воспроизведено в книге. Затем последует университетская карьера, клуб «бывших москвичей». Пьер и Женни Паскаль остаются «невидимыми» во время столкновения холодной войны. С покинутой им Россией устанавливаются напряженные отношения: небольшая переписка со специалистом по Аввакуму, ответ советской журналистки его прекрасное исследование деревни Блохино.

Выход Паскаля из анонимности был ознаменован публикацией, еще при его жизни, его «Русского дневника», осуществленной Жаком Катто и мною. Дневник содержит оригинальный текст российского периода и дополнения, сделанные уже старым человеком, вернувшимся к своим воспоминаниям (эти части различаются по шрифту), а также цитирует старые статьи, такие как «Моральные результаты советского государства» (1921), в которой создается нравящийся нам персонаж «bifrons» (двуликий). Книга Софи Кёре дополняет этот персонаж новыми чертами. Порой это трудно признать, но этот новый портрет не бесспорен. И если «католический большевик» остается привлекательным, его загадка лишь усиливается.

Pierre Pascal. [Journal de Russie 1928-1929](#). Edité et annoté par Jacques Catteau, Sophie Cœuré et Julie Bouvard. Noir sur blanc. Lausanne. 706 pages
Sophie Cœuré, [Pierre Pascal, La Russie entre christianisme et communisme](#). Noir sur Blanc. Lausanne. 415 pages.

[швейцарская культура](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/culture/zagadka-paskalya>